

Вместо предисловия

Дмитриева Е.В.:

Взаимодействие поэзии и прозы

в творчестве И.А. Файнфельда

Известно, что произведения, сочетающие в себе элементы прозы и поэзии, появлялись на протяжении всей истории литературы. Особую популярность данный феномен приобрел в начале прошлого столетия и, как подчеркивает С.Е. Шеина, остается одним из мало изученных. По мнению исследователя, причинами подобного объединения было стремление писателя выйти за пределы сложившихся литературных канонов и эксперименты с существующими художественными формами.

В творчестве современного поэта и писателя И.А. Файнфельда сочетание поэзии и прозы впервые появляется в сборнике «Попытка пробудиться» (1992), где первый раздел состоит из стихотворений, а второй из небольших прозаических текстов философского характера.

Литературно-философское эссе «Дзэн для самого себя» (2011) также представляет собой совмещение разных по структуре текстов: прозаическая часть перемежается стихотворениями и завершается циклом четверостиший, раскрывающих, по словам И.А. Файнфельда, его «интуитивное восприятие дзэн» [9, 105].

К настоящему времени автором написан цикл медитативных повестей «Внутриутробная жизнь капитана Серого» (две части), «Алхимия костлявого запяторучья» и «Двуполая кровь». Взаимодействие прозаического и стихотворного в этих текстах проявляется по-разному и имеет четкую динамику. Так, в первой повести практически нет стихотворных вставок (за исключением нескольких эпиграфов). Однако в некоторых эпизодах повествование имеет выраженный поэтический ритм.

В «Алхимии костлявого запяторучья» введение трех поэтических глав (полностью состоящих из стихотворений) в центр прозаического повествования становится своеобразным композиционным приемом. Мы считаем актуальным проследить соотношение прозы и поэзии на примере повести «Двуполая кровь» по нескольким причинам. Первая связана с активным использованием текстов стихотворений, принадлежащих И.А. Файнфельду. Введение стихотворений в корпус прозаического произведения реализуется двумя способами: в виде эпиграфов (почти всем главам повести предпосланы эпиграфы), а также чередованием повествования в прозе и поэтических текстов внутри глав повести.

Вторая причина обусловлена тем, что совмещение поэтической и прозаической форм речи представляет собой способ с большей художественной полнотой выразить свои размышления о человеке и мире. Характерно, что в творчестве И.А. Файнфельда связующую роль играет по существу одна, но самая главная тема – поиска себя, понимания – кто есть «я».

Следует сказать, что все художественные произведения автора (как поэтические, так и прозаические) мы оцениваем как метатекст, организованный мотивно и тематически, и на этом уровне представляющий собой целостное единство. В литературоведении понимание термина «метатекст» далеко не однозначно и зависит от предмета исследования. Так, «метатекстуальность» может быть определена как сознание о тексте в широком смысле слова [3, 6]. Такая трактовка перекликается с определением метатекста как «повествования о повествовании» (при этом рассматриваются такие произведения, в которых непосредственно присутствует рассуждение автора о творимом тексте, о принципах его создания) [7, 110]. Согласно иному определению, «метатекст» – совокупность текстов писателя, рассматриваемых как некая целостность. Подобную трактовку метатекста применяет О.С. Бердяева к творчеству М.А. Булгакова. Исследовательница считает, что «... каждый булгаковский текст, роман, повесть или драма, независимо от жанрового воплощения, будучи самостоятельными произведениями, содержат в себе мотивы и типологически близкие образы, смыслополагающие, сквозные, важные и для других последующих или предыдущих произведений Булгакова, формируя таким образом метатекст» [2,42].

Мы придерживаемся именно такого понимания метатекста в формулировке, предложенной Е.А. Гончаровой: «... Индивидуальная система определённого писателя, все созданные им

художественные произведения могут рассматриваться как некий мета- или архитеkst, теоретически вероятная текстовая форма, выводимая путём сопоставления реально существующих текстов с единственной содержательной основой – авторской концепцией действительности» [6, 21].

Поэтическое творчество И.А. Файнфельда, на наш взгляд, оказало определенное воздействие на его прозу. Проза, в свою очередь развивая и дополняя поэтическую систему, является неотъемлемой частью целостной художественно-философской системы автора, представляющей собой метатекст.

Одно из проявлений воздействия поэзии на прозу – появление в творчестве И.А. Файнфельда комплекса тематических переключек, использование общих символов. Можно предположить, что необычный жанровый подзаголовок – медитативная повесть – так же связан с подобным влиянием.

Т. Маркова считает, что авторские указания на жанр есть показатель сознательного выбора писателем оригинальной жанровой стратегии. Таким образом, «... характер жанровых номинаций свидетельствует, с одной стороны, о жанровой рефлексии автора, с другой – о разрушении и сознательной трансформации традиционных моделей» [4, 285-286]. Нередко жанровое определение уточняется эпитетами, дополнениями, которые могут указывать на тему или объем, на структуру или субъекта повествования.